ПРЕДСТАВЛЯЕМ ИССЛЕДОВАНИЕ

DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1597

Н. Л. Антонова, С. Б. Абрамова, В. В. Полякова

ПРАВО НА ГОРОД: ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ И ПАРТИСИПАЦИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Правильная ссылка на статью:
Антонова Н. Л., Абрамова С. Б., Полякова В. В. Право на город: повседневные практики молодежи и партисипация в производстве городского пространства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 443—462. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1597.
For citation:
Antonova N. L., Abramova S. B., Polyakova V. V. (2020) The Right to the City: Daily Practices of Youth and Participation in the Production of Urban Space. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes.* No. 3. P. 443—462. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1597.

ПРАВО НА ГОРОД: ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ И ПАРТИСИПАЦИЯ В ПРОИЗВОДСТВЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

АНТОНОВА Наталья Леонидовна — доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: n-tata@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-2063-4970

АБРАМОВА Софья Борисовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: sofia_abramova@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-4010-8406

ПОЛЯКОВА Виктория Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: vika.polyakova@urfu.ru
https://orcid.org/0000-0002-3359-9764

Аннотация. В исследовании поднимается вопрос о реализации права на город в оценках молодого поколения крупного промышленного города сквозь призму повседневной жизнедеятельности и участия в производстве и воспроизводстве городского пространства. Город как «среда обитания» становится важнейшей сценой поведенческих практик и взаимодействий молодого поколения, а партисипация в производстве городского пространства меняет саму молодежь, которая

THE RIGHT TO THE CITY: DAILY PRACTICES OF YOUTH AND PARTICIPATION IN THE PRODUCTION OF URBAN SPACE

Natalya L. ANTONOVA[1] — Dr. Sci. (Soc.), Professor at the Department of Applied Social Studies
E-MAIL: n-tata@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-2063-4970

Sofya B. ABRAMOVA[1] — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Department of Applied Social Studies
E-MAIL: sofia_abramova@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-4010-8406

Viktoria V. POLYAKOVA[1] — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor at the Department of Applied Social Studies
E-MAIL: vika.polyakova@urfu.ru
https://orcid.org/0000-0002-3359-9764

[1] Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The study highlights realization of the right to the city based on the youth's assessments of a large industrial city through the prism of daily activities and participation in the production and reproduction of urban space. City as a "habitat" is a place for behavioral practices and interactions of young people; participation in the production of urban space makes young people themselves change: they start to take responsibility for their community and implementation of life plans. This is an empirical

берет на себя ответственность за место проживания и реализацию своих жизненных планов. Основой эмпирического исследования (Екатеринбург, 2019) стала полиметодическая стратегия. Нами опрошено 750 молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет (анкетный опрос, квотный вид отбора). Обработка полученных результатов была проведена с использованием программы SPSS. С целью глубинного понимания потребностей городской молодежи проведено 22 полуформализованных интервью, информантами в которых стали 15 девушек и 7 юношей. Также в рамках проекта опрошено 10 экспертов: специалистов/руководителей молодежных проектов, представителей научного сообщества.

Результаты исследования показали, что в ситуации стабильного существования, при отсутствии выраженного вмешательства государственных или региональных властей в сферы, которые молодые граждане оценивают как сугубо личностные или общественно значимые, лишь 5% респондентов оценивают участие в управлении городом как неотъемлемую часть своей жизни. Проведенный качественный анализ позволил наметить три модели поведения молодежи при возникновении противоречий между городскими органами власти и горожанами, стремящимися реализовать свое право на город: модель невмешательства, модель искреннего участия, модель бегства. Эмотивный аспект присвоения города формирует чувство принадлежности к городу и неразрывности своей судьбы и судьбы города. Это воплощается в языковых конструкциях, город становится персонифицированным, о нем говорят, как о человеке. Материалы

study (Yekaterinburg, 2019) using a multimethod strategy. A total of 750 young respondents aged 18–30 were surveyed (questionnaire survey, quota-based selection). To process the data SPSS software was used. To investigate the in-depth needs of young people 22 semi-structured interviews involving 15 female and 7 male participants were carried out. Ten experts (youth project specialists/managers, scientific community) were surveyed.

The results show that in a situation of stable existence with no pronounced intervention from public or regional bodies in the domains perceived by young people as strictly their personal or socially relevant, only 5% of respondents consider their participation in the urban management as an integral part of their life. Based on the qualitative analysis the authors draw three models of youth behavior whenever any discrepancies arise between the city administration and urban dwellers eager to use their right to the city: a non-intervention model, a model of sincere participation, and an escapism model. Emotive aspect of city's appropriation leads to a feeling of belonging to the city and inextricability of a person's fate and a city's fate. This manifests itself through language patterns; the city becomes more personalized; it is spoken of as a person. The findings of the study point to a transition from the consumption of space to its production through innovative and creative practices instead of habitual and stereotyped patterns. One of modern practices is DIY initiatives which appear to be interesting to more than half of respondents.

исследования свидетельствуют о переходе от потребления пространства молодежью к его производству через создание инновационных и творческих форм практик взамен опривыченных и стереотипных. Одной из актуальных практик становятся DIY-инициативы, в которые готовы включиться более половины опрошенных.

Ключевые слова: город, право на город, повседневные практики, партисипация, молодежь

Keywords: city, right to the city, daily practices, participation, youth

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области в рамках научного проекта № 20-411-660012 р_а «„Право на город“: социальная активность, мобилизация и партисипация молодежи»; РФФИ и АНО «Экспертный институт социальных исследований» (№ 19-011-31151).

Acknowledgments. The study is funded by RFBR and Sverdlovsk oblast as part of the project no. 20-411-660012 p_a “The Right to the City: Social Activity, Mobilization and Participation of Youth”; RFBR and the Expert Institute for Social Research (No. 19-011-31151).

Введение

В исследованиях городской среды на первый план выходят вопросы не столько освоения новых территорий, сколько трансформации городского пространства и его инфраструктуры под запросы и потребности конкретных социальных групп и общностей [Калинникова, Головина, 2018]. В этом контексте институциональный субъект трансформации города — администрация/органы власти территории — ориентирован на реализацию крупных социально значимых изменений с целью учета интересов региона в целом. Последнее входит в зону ответственности администрации, так как на это выделяются ресурсы: финансовые, квалификационные, материально-технические, информационные. Жители города также выступают субъектом трансформации городского пространства [Антонова, Ракевич, 2016], однако они в большей степени заинтересованы в локальных переменах и перестройке отдельных районов города с позиций удовлетворения собственных интересов. При этом зачастую у горожан отсутствуют необходимые ресурсы, свойственные институциональным субъектам, и в этом случае действенным механизмом становится объединение интересов.

В связи с вышесказанным во многих крупных городах активно реализуются различного рода инициативные проекты, нацеленные на преобразование городского пространства под нужды горожан без учета глобальных финансовых или политических выгод. Такие инициативы ориентированы на формирование комфортной

среды для жизни конкретных людей, что безусловно должно способствовать их закреплению на данной территории.

Настрой на активное изменение пространства вокруг себя с ориентацией на собственные ценности в большей мере характерен для молодежи как наиболее мобильной части общества [Зубок, Чупров, 2019]. Кроме того, именно молодежь в первую очередь готова поддержать начинания, инициированные внеинституциональными субъектами городских изменений. Отчасти это связано с ее протестным настроем, который часто проявляется в поддержании всего нового, отличного от того, что было раньше. Кроме того, для молодого поколения характерна активная жизненная позиция, которая помимо прочего выражается в попытках ревизии окружающего пространства в связи с определением собственной траектории личностного развития и реализацией жизненных планов.

Таким образом, городская молодежь не просто принимает пространство города, в котором она выросла и живет, но и меняет его под себя, с учетом своих представлений о комфорте и удовлетворении значимых потребностей. Молодые люди чувствуют себя вправе вписать в городскую среду и утвердить в ней свои ценности и намерения, устремления и желания.

Концептуализация «права на город»

Концепция «права на город» является одной из модных и востребованных в последние десятилетия исследовательских моделей изучения и анализа городского пространства [de Souza, 2010]. Впервые она была сформулирована Анри Лефевром [Lefebvre, 1996], французским социологом и философом, представителем неомарксизма. Согласно ему, право на город проявляется как высшая форма прав человека: право на свободу, на индивидуальность в процессе социализации, на среду обитания/проживания, а также право на творчество, участие в создании и присвоении городского пространства [ibid.: 173—174]. Центральным, на наш взгляд, механизмом реализации права на город является утверждение об участии в создании и присвоении пространства.

Право на участие, выступающее базисом концепции «права на город», современные исследователи рассматривают, прежде всего, сквозь призму непосредственной вовлеченности в городские политические процессы [Plyushteva, 2009], управление городом [Fernandes, 2007] или создание городского пространства [Mitchell, Villanueva, 2010]. Город предстает как политическое пространство, в котором его обитатели могут принимать деятельное участие в политической жизни.

Ряд исследователей радикализирует право политической активности, акцентируя внимание на противоборстве жителей и городских властных структур. Так, Алессандро Буса [Busà, 2009] утверждает, что демократическое участие жителей в принятии управленческих решений становится вызовом для существующей городской власти. В свою очередь, Эдвард Сойа определяет «право на город» через политическое включение в борьбу за демократию, социальные права и справедливость [Soja, 2010]. Реализация права на город в таком ключе создает серьезную угрозу для устоявшихся структур либерального гражданства [Purcell, 2002].

Мы полагаем, что право на участие не обязательно свидетельствует о стремлении оспаривать характер и качество выполнения институционально закрепленных

функций городской власти. Если социальное самочувствие горожан удовлетворительное, а пространство города реализует насущные запросы и потребности, то роль жителей концентрируется вокруг воспроизводства актуальных социально-пространственных взаимодействий и отношений. Кроме того, право на участие в управлении городом и его политической жизни позволяет определять новые потребности и интересы городского населения.

Право на город в контексте потребления предусматривает право жителей на использование городского пространства [ibid.: 103], непрерывный и активный процесс его присвоения [McCann, 2002: 77]. Тови Фенстер отмечает, что право на городское пространство подразумевает его использование в повседневной жизни индивидов и социальных групп: право жить, играть, работать, представлять, характеризовать и занимать [Fenster, 2005: 219]. Использование/присвоение/потребление репертуара города мы противопоставляем пространственной маргинализации и изоляции. Доступность публичных и полупубличных мест [Plyushteva, 2009: 95], а также доступ к городским услугам [Fernandes, 2007: 208] становятся условиями реализации права на город.

Формирование концепта «права на город» в духе А. Лефевра ставит вопрос о разграничении присвоения существующего пространства и производства пространства через присвоение. В первом случае речь идет о распределенном/демократичном потреблении городского пространства и размещенных в нем объектов, во втором — о преобразовании городской жизни в целом. Приватизируя город, его жители могут способствовать развитию городской среды — например, через инициирование инновационных видов социальных связей и практик. Именно политика присвоения в производстве обладает преобразующим и революционным потенциалом концепции «права на город». Об этом пишет Питер Маркузе [Marcuse, 2009], утверждая, что право на город не должно толковаться исключительно как право на доступ к городским ресурсам (право на жилье, право на информацию и т. п., хотя каждое из них важно и играет определенную роль в достижении права на город в целом); право на город — это право формировать и преобразовывать социальные процессы в городе, то есть по сути политическое требование, охватывающее несколько видов прав. К примеру, в своем исследовании топонимического активизма Евгений Терентьев пришел к выводу, что гражданские инициативы о наименовании/переименовании территориальных единиц являются одним из «инструментов борьбы горожан за право участвовать в принятии решений о производстве городского социального пространства и присвоении его объектов» [Терентьев, 2015: 200].

Производство городских пространств — это арена сосуществования институциональных и внеинституциональных практик, это система социальных связей и взаимодействий разных субъектов. Роль городских жителей в современных мегаполисах возрастает: они становятся не только пользователями, но и соавторами. Вовлечение горожан в пространственные трансформации предполагает качественные изменения индивида: возрастает эмоциональная привязанность к городу, утверждается территориальная идентичность, формируется чувство ответственности. Так, город для его жителей становится ценным ресурсом.

Право на город предстает как общественная этика, культивируемая повседневной жизнью горожан, а также совместным использованием и производством

городского пространства. Жители определяют свои потребности и интересы, мобилизуют и координируют возможности, развивая различные виды солидарности и коллективные формы поведения. Право на город, таким образом, — это право менять себя, изменяя городское пространство [Harvey, 2008].

Инна Вершинина, анализируя работы А. Лефевра, утверждает, что «право на город должны предъявить те, для кого он является частью их повседневной жизни: молодежь, студенты, интеллектуалы, армии рабочих <…>» [Вершинина, 2018: 58]. Современное молодое поколение актуализирует различные практики освоения, потребления и производства пространства города, инициируя в том числе инновационные модели активностей, внося значительный вклад в социальный капитал территории. Молодежь порождает новую модальность производства пространства. Так, по утверждению Анны Желниной, для российских городов характерно «вмешательство «креативной» городской молодежи в благоустройство и трансформацию пространства» [Желнина, 2015: 45]. Участие молодого поколения в будущем города сокращает разрыв между горожанами, ограничивает сегрегацию и способствует развитию инклюзивной городской среды, развитию гуманистического города, в котором актуализируется диалог между административными структурами и молодежью, поддерживаются инициативы, расширяется социальный активизм и усиливается субъектность молодых акторов.

Эмпирическая база исследования

Наше эмпирико-социологическое исследование было проведено в мае—июне 2019 г. Объектом исследования стала учащаяся и работающая молодежь крупного промышленного города — Екатеринбурга. Нами были выдвинуты следующие исследовательские вопросы. (1) Как городское пространство как фактор удовлетворения широкого спектра потребностей и интересов вписано в жизненные планы молодежи в контексте реализации права на город? (2) Какое значение для молодого поколения имеют возможности управления городом, присвоения городского пространства и его производства? Мы полагаем, что городская молодежь, ориентируясь на собственные ценности, создает в пространстве города определенную «зону комфорта». Это своего рода локально-территориальный микроуровень реализации потребностей и интересов, заявление права на потребление и производство пространства «вокруг себя». Вместе с тем городу как полифункциональному гетерогенному образованию требуются разного рода активности, нацеленные на его изменение и развитие. Ожидания городских структур инициативности и действенности от молодого поколения в рамках институционализированных моделей участия вступают в противоречие с инерцией и ориентацией на личностные/индивидуальные запросы в «перекройке» городского пространства.

Всего методом очного раздаточного анкетирования (квотный вид отбора) было опрошено 750 респондентов в возрасте от 18 до 30 лет. Квотные параметры выборки были заданы на две категории молодежи: студенческая ($N = 350$) и работающая ($N = 400$), внутри каждой из которых квотировались возрастные группы (18—20, 21—25 лет для студентов и 18—20, 21—25, 26—30 лет для работающих) примерно в равном соотношении. Также в качестве контролируемой характеристики выступал пол: квота на участие мужчин составляла не менее 40 % от выбо-

рочной совокупности. Таким образом, распределение опрошенных по возрасту выглядит следующим образом: до 20 лет — 37,9 %, 21—25 лет — 42,3 %, старше 26 лет — 19,8 %; из них: 60 % — девушки, 40 % — юноши. Студенческая молодежь из нашей выборки (47 %) получает образование по направлениям и специальностям как гуманитарного профиля (68,1 %), так и естественно-научного/технического (31,9 %); 88 % опрошенных являются студентами бакалавриата. Основными сферами занятости попавшей в нашу выборку работающей молодежи (53 %) являются образование и наука (18,4 %), финансы и юриспруденция (18,4 %), реклама и СМИ (16,5 %); при этом более половины из них имеют высшее образование.

С целью глубинного понимания потребностей городской молодежи мы провели 22 полуформализованных интервью (средняя продолжительность интервью — 30 минут). Критериальный отбор информантов строился с учетом пола (участниками стали 15 девушек и 7 юношей), возраста (до 30 лет), категории молодежи (12 интервью с работающими и 10 со студентами), а также намерения относительно дальнейшего проживания в Екатеринбурге (11 интервью с «оседлыми» информантами, не планирующими в течение двух-трех лет покидать город, и 11 — с «мобильными», имеющими сформированное желание переехать). Этап глубинных интервью позволил определить модели участия молодежи в отстаивании своих прав на город, а также выявить повседневные практики присвоения городской среды (воспринимаемое пространство объектов городской среды, с которыми взаимодействуют в повседневной жизни) и ключевые ориентиры задуманного пространства города (как и почему он должен измениться).

Кроме того, в ходе исследования было опрошено десять экспертов: специалистов/руководителей молодежных проектов и организаций, а также представителей научного сообщества — исследователей молодежного активизма и партисипации. Такой опрос был необходим для выделения базовых трендов активности молодежи в реализации права на город и определения проблемных зон: представления молодого поколения о праве на город и моделях его реализации отличаются от оценок группы экспертов, деятельность которых так или иначе связана с политикой администрации города, нацеленной на удовлетворение потребностей и интересов молодого поколения и их интеграцией в единую систему общегородского управления. Тематика для экспертов была актуальной: они выразили заинтересованность в оценке и продвижении молодежных инициатив, ориентированных на развитие городского пространства. Отсюда и длительность интервью с ними оказалась чуть дольше, чем непосредственно с молодыми информантами (средняя продолжительность интервью — 45 минут).

После расшифровки аудиозаписей интервью полученные текстовые материалы были обобщены и сгруппированы в соответствии с задачами исследования.

Результаты

Систему жизненных планов молодого поколения можно разделить на несколько крупных категорий (см. табл. 1). С одной стороны, это ориентация на достижение профессионально-образовательного статуса, выраженная в поиске интересной и высокооплачиваемой работы и продолжении образования. С другой — это связь жизненных планов молодежи с формированием стартовых условий для обретения

независимости и личностной успешности. В этом случае на первый план выходит решение вопросов независимости от родителей, приобретения собственного жилья, создания комфортного быта.

Таблица 1. ***Какие планы Вы строите в настоящее время? (%)***

	Категория молодежи	
	Студенческая	Работающая
Профессионально-образовательные планы, в том числе:		
Стать обеспеченным, хорошо зарабатывать	54,8	60,4
Иметь интересную работу	61,6	51,4
Продолжить образование	67,3	34,6
Заниматься творчеством, наукой	25,6	33,3
Обретение независимости и личностной успешности, в том числе:		
Быть независимым от родителей, жить своим трудом	57,4	27,1
Иметь счастливую семью, лад в доме	34,7	42,4
Иметь достойное жилье	21,3	31,8
Иметь больше свободного времени для себя	21,9	26,8
Сделать жизнь более комфортной — купить новую машину, хорошую бытовую технику	16,2	25,2
Уехать за рубеж на постоянное место жительства	15,3	14,0
Переехать в большой город, столицу	8,5	9,6
Общественно ориентированные планы, в том числе:		
Найти возможность быть полезным другим людям, обществу	17,0	19,6
Участвовать в политической, общественной деятельности	5,7	5,0

Такая иерархия ближайших планов закономерно оттесняет общественно ориентированные задачи на менее значимые позиции: участие в политической и общественной жизни как неотъемлемую часть своей жизни рассматривают только 5 %—6 % наших респондентов. Низкая вовлеченность населения и отсутствие у жителей сформированной потребности в участии в жизни города фиксируются рядом исследователей на протяжении многих лет [Журавлев, 2015]. Так, в 2013 г. жители Казани оценили возможность участвовать в решении городских проблем на 2,89 балла по шкале от 1 до 4 [Глебова, 2013]. Изучение факторов, ограничивающих взаимодействие населения и местных органов власти, составляет отдельное и актуальное направление исследовательской деятельности социологов [Фролова, 2016; Gladarev, 2016].

Однако такое отношение к участию в локально-территориальной общественно-политической жизни относится исключительно к ситуации стабильного

существования, при отсутствии выраженного вмешательства государственных / региональных / муниципальных политических структур в сферы, которые молодые граждане относят либо к сугубо личностной, либо к общественно значимой в их системе ценностных ориентаций (в том числе в вопросах среды проживания и городского пространства).

> *Если молодежь сталкивается с тем, как функционирует городская власть, но только в конкретные моменты времени, это ситуативное столкновение.* (Э1)

Зачастую на законодательном уровне городская политика не учитывает запрос городского образованного среднего класса и молодежных ожиданий, связанных с возможностями мобильности, выбора и т. д. [Шпаковская, Чернова, 2017].

В подобной ситуации «излишнего вмешательства» можно выделить три базовые модели поведения, описанные в ходе интервью участниками нашего исследования.

Первая модель — «модель невмешательства» — основана на страхе участия или на отсутствии веры в результативность проявления своей позиции.

> *Кто-то боится: «вдруг мне там попадет» или еще что-то. Кто-то боится, мало ли там какие-то провокаторы,* [и] *их там куда-то втянут.* (Э2)

При этом остается нереализованным субъектный потенциал молодежи, что приводит к росту недовольства своей жизнью, ощущению невостребованности в городе:

> *Молодому поколению необходима возможность диалога с администрацией города, необходимо понимание, что наши идеи и предложения нужны, а голоса могут быть услышаны. Это лучшая мотивация. В конце концов, при таком подходе молодежь сама создаст город, в котором ей хочется оставаться. Иначе талантливая молодежь, с которой хотят найти общий язык, уже выйдет из этого прекрасного возраста и будет получать пенсию в другом регионе или стране.* (Э3)

Вторая модель — «модель искреннего участия» — подразумевает открытую заинтересованную позицию, готовность ее отстаивать, в том числе в диалоговой форме с субъектами, вовлеченными в решение актуального вопроса.

> *Ну, реально, я все время вижу,* [как] *они там гуляют, скачут, сидят там, болтают, рисуют. Видимо, это место для них было каким-то значимым,* [так как] *они пришли.* (Э2)

Такая позитивная настроенность должна встречать ответный отклик со стороны властей:

> *Администрации города необходимо перейти от директивного формата работы к диалогу. Какой смысл общения с администрацией, если их проекты развития города определены на десять-двадцать лет вперед, и план менять не готовы?* (Э3)

Открытость администрации стимулирует молодежь на производство новых практик, которые становятся движущей силой изменений в городской среде в целом. Речь идет о том, что при институциональной поддержке молодое поколение может «выйти» за пределы топического/локального/местечкового на уровень глобальных трансформаций города как социально-территориального образования.

> *Здесь* [в Екатеринбурге] *можно развиваться самостоятельно, возможно открыть какой-то бизнес. И администрация, и сам город предрасполагают к этому.* (И1)

Третья модель — «модель бегства» — предполагает готовность к смене места жительства как отклик на неудовлетворительную политику местной власти.

> *Не нравится обилие конъюнктурных решений: точечная «вульгарная» застройка, экономия на инфраструктуре и ее несистемность, постоянные колебания стратегий развития и т. п. В результате, у города сильно размывается образ будущего. Я все меньше вижу себя здесь.* (И2)

Данная модель в наибольшей степени высвечивает неготовность встраивать свой «локальный» жизненный проект в существующую макросреду города. Стандартные акции властей не могут решить данную проблему:

> *В плане проводить всякие акции на укрепление патриотизма — возможно, какую-то роль это сыграет, но далеко не самую большую. Все равно в первую очередь нужно повышать уровень жизни и стремиться к развитию города в плане инфраструктуры, социальных услуг и т. д. Тогда у человека будет больше моментов привязанности к городу. И* [важно] *не мешать ему самому решить здесь остаться.* (Э4)

Присвоение городского пространства может быть рассмотрено как в потребительском (в том числе утилитарно-бытовом) контексте, так и в эмотивном, включая субъективные оценочные эмоционально окрашенные характеристики права на город.

Право на присвоение города определяется доступностью городских объектов для потребления, культурно-досуговой деятельности и удовлетворения потребностей жителей. Значимость факторов городской среды при выборе потенциального города для проживания замерялась по шкале от 1 до 4: чем выше значение индекса, тем более важной является данная характеристика.

Среди объектов городского пространства наибольшее значение для наших респондентов имеют доступное жилье и наличие зеленых зон, парков. При этом зеленые зоны — фактор не только настоящего, но и будущего комфортного проживания в городе:

> *Еще, хотя я на данный момент не собачница, без детей и без самоката, в будущем все-таки собираюсь войти в эти три категории и понимаю, что пока инфраструктура для всего этого очень плохо приспособлена.* (И3)

Таблица 2. ***Оценка значимости факторов при выборе города для проживания (индекс)***

	Категория молодежи	
	Студенческая	**Работающая**
Объекты и услуги городского пространства		
Доступность жилья (для аренды, покупки)	3,62	3,66
Доступность и качество медицинского обслуживания	3,53	3,54
Наличие зеленых зон, парков	3,45	3,50
Работа городского транспорта	3,23	3,21
Доступность получения качественного высшего образования	3,23	3,04
Качество услуг ЖКХ	3,21	3,13
Доступность социальных и бытовых услуг для населения	3,16	3,13
Состояние дорог	3,12	3,19
Доступность учреждений общественного питания (кафе, бары, рестораны)	3,11	3,08
Доступность культурно-развлекательных учреждений высокого уровня, возможность культурного досуга	3,07	3,15
Доступность учреждений для занятий физической культурой и спортом	2,72	2,77
Количество торговых центров и магазинов	2,62	2,57
Возможности для открытия и ведения бизнеса	2,61	2,59
Характеристики городской среды		
Уровень безопасности (экологической, криминальной, террористической)	3,54	3,50
Уровень дохода, уровень жизни жителей города	3,52	3,48
Комфортность городской среды (чистота, освещенность, широкие улицы и т. д.)	3,49	3,55
Красота города	3,36	3,45
Состояние экологии	3,30	3,37
Перспективы развития города	3,24	3,37
Красота природы, ландшафта	3,22	3,24
Климатические условия	3,13	3,18
Уровень конфликтности, социальной напряженности в городе	3,11	3,16
Уровень культуры жителей города	3,10	3,22
Доверие к органам городской власти	3,08	3,02
Ситуация с пробками на дороге	3,06	3,04
Толерантность, терпимость жителей города	3,02	3,00
Объективность городских СМИ	2,69	2,70

Парки становятся значимым «третьим местом» городского пространства, если не вытесняя, то создавая конкуренцию традиционным кафе:

> *Ну, не хватает им площадок, каких-то мест, где они могут собраться, общаться. Ну, не в вузе же сидеть и не на этих фудкортах бесконечных! Сейчас, мне кажется, к этому идет потихонечку. Все равно как-то стали заботиться о парках…* (Э5)

«Гулять по этому городу» — фраза, наиболее емко характеризующая присвоение города через его непосредственное прохождение, «присвоение ногами». Исследуя практику ходьбы по городу как фактор социального смешения и взаимодействия, а также сплоченности городского сообщества, Дженни Миддлтон утверждает, что подобные повседневные практики должны стать предметом городской политики, ориентированной на реализацию права на город [Middleton, 2016]. «Пройденное» становится частью локального пространства, выхватывая его из внешней и неосвоенной среды. В результате происходит кардинальная смена отношения и используемых практик присвоения.

Одним из важных моментов «потребления» города становится «опривычивание» доступности торговых центров и магазинов. Этот фактор менее значим, чем наличие культурно-развлекательных и спортивных учреждений, а также предприятий общественного питания. Магазины стали очевидной, а потому «незамечаемой» характеристикой городской среды крупного города. Значимая тенденция здесь — ожидание «сжимания» пространства места торговли и «расширения» времени покупки:

> *Ты приехал и затарился всем, начиная от носков и до каски. Все, что тебе нужно, ты можешь найти в одном месте. И очень важно, чтобы были круглосуточные торговые центры.* (И1)

В то же время именно торгово-развлекательные центры создают парадокс типичности досуга, вовлекая в стереотипные модели потребления:

> *Магазинов, торговых центров у нас уже полно! Уже скукотища: одно и то же везде! Там все выходные* [проводим]. *Народ идет туда отдыхать: кино, магазин, еда.* (Э2)

Возможность противопоставить этой стандартизации досуга уникальные проекты будет расцениваться как одно из принципиально важных качеств города, привлекательного для молодежи:

> *Тут есть театры с действительно классными и уникальными постановками.* (И4)

Активно на это обращали внимание и участники количественного опроса, давая развернутые ответы на открытый вопрос «Чем Вы гордитесь как житель Екатеринбурга?»:

> *Уникальная творческая атмосфера, самобытная культура, активные жители.* (И5)

Здесь сосредоточена большая часть интеллектуальной России, постоянно проходят различные интересные мне мероприятия. (И6)

Мероприятия, которые не имеют аналогов в других городах. (И7)

Создание условий совпадения личностных интересов молодых жителей и реализуемых в городе проектов позволяет расширить границы партисипации, сформировать новый опыт и потребности общественного участия.

Базовым фактором освоения городского пространства выступает и транспортная инфраструктура. Как отмечает Кафуи Аттох, для жителей право на город означает право на транзит, то есть перемещение по городу [Attoh, 2019]. Транспортная сеть определяет достижимость городских объектов с точки зрения не только возможности доехать до них, но и скорости перемещения по городу. Сжимание времени и пространства изменяет восприятие городских объектов, переводит их из категории «далеких и чужих» в «свои», тем самым включая объективно разрозненные и удаленные фрагменты городского пространства в индивидуальное единое целое. Отсюда на скорость повседневной мобильности и ее значимость указывают практически все молодые информанты.

Если сравнивать с Кемерово, например, то он тоже достаточно большой индустриальный город, но в этом плане [скорости жизни] он какой-то не быстрый. А мне надо за день побывать в самых разных точках города, и ждать я не могу. (И8)

Скорость перемещения по городу требует современного и надежного транспортного парка, качественных дорог и интеллектуальных сервисов информирования пассажиров:

Чем шире улицы, тем соответственно трафик, городской поток транспорта более быстрый, и тогда удобнее добираться до работы. И, конечно, человек стремится пользоваться интернет-сервисами и принимать решения быстрее, чтобы ему было комфортнее добираться. (Э1)

Следовательно, время в пути становится фактором влияния на физическое и эмоциональное состояние горожан, выбор места работы или отдыха [Лычко, Мосиенко, 2016], и в итоге — фактором удовлетворенности городским пространством.

Партисипативная концепция предполагает, что процесс взаимодействия жителя и города можно сделать эффективнее и инновационнее за счет вовлечения людей в деятельность по развитию и улучшению города [Шутова, 2015]. Однако политизированные показатели, связанные с доверием к органам местного самоуправления, в системе критериев выбора города проживания смещены на одно из последних мест, подчеркивая доминирование экономических аспектов участия в жизни города и слабость установок права на участие в управлении и преобразовании города на уровне публичной политики. Это предполагает, что имеющиеся механизмы политической партисипации не устраивают молодых горожан

и требуют разработки и развития специализированных форм участия молодежи в развитии городской среды [Фурсов, 2019: 81].

Эмотивный аспект присвоения города связан с формированием чувства принадлежности к городу, неразрывности своей судьбы и судьбы города, складыванием территориальной идентичности, появлением чувства гордости за город проживания. Эти аспекты получают воплощение в том числе в языковых конструкциях с использованием слов «мой», «наш», «родной», «любимый», «близкий». Город становится персонифицированным, о нем говорят, как о человеке:

> *И я стал понимать, что не хочу уезжать из этого города, что он мне нравится.* (И1)

> *<…> Это мой родной город, только в нем мне комфортно.* (И9)

> *Мне кажется, наш город с каждым годом становится все лучше и лучше. Мне очень повезло: я могу добиться всех своих целей, не покидая любимый город.* (И10)

Такая эмоциональная связка представляется наиболее эффективной моделью присвоения города: включив город в круг эмоциональных привязанностей, его уже нельзя разрушить, обидеть или «*бросить без веских на то причин*» (И11). Город становится соратником, партнером, другом:

> *Екатеринбург мне нравится своей динамичностью и общим духом развития и стремлений, что согласовывается с моими убеждениями.* (И5)

Эмоциональный контекст был также замерен через оценку чувства гордости за город Екатеринбург («Есть ли в Екатеринбурге что-то, чем Вы как его житель гордитесь?»): его испытывают 62 % опрошенных в равной мере студенты и уже работающие молодые жители Екатеринбурга. Такое чувство более свойственно местным жителям (70 %) по сравнению с приезжими горожанами (57 %). Однако материалы нашего опроса свидетельствуют, что длительность проживания в городе становится фактором «привязки» к нему: если среди тех, кто прожил в Екатеринбурге один год, 40 % указывают на наличие чувства гордости от проживания в нем, то среди проживших четыре года этот показатель достигает уже 68 % и практически сравнивается с уроженцами / коренными жителями города. Мы можем предположить, что именно этот временной период требуется для появления сформированной в достаточной степени идентичности с новым местом жительства. Следовательно, при частых сменах города проживания и кратком пребывании в том или ином месте у человека просто не успевает произойти эмоциональное присвоение города, как не успевает сформироваться и отношение, схожее с отношением «местного» жителя.

Чувство гордости за город, в котором проживаешь, по оценкам опрошенных, выступает условием DIY-активностей (от англ. *Do It Yourself* — «сделай сам»). Подобные инициативы свидетельствуют о переходе от потребления городского пространства молодежью к его производству через создание новых форм социальных практик. Более половины опрошенных признались, что готовы включиться в практики

«малых дел», ориентированных на улучшение городской среды, систем взаимодействия горожан и становления новых форм сотрудничества с управленческими структурами:

> *Мне нравится, что в университете в коридорах стоят стеллажи с книгами: бери что нравится для чтения. Принести и поставить можно свои прочитанные книги.* (И12)

> *<…> Весной всегда иду на субботник, убираю мусор возле дома и на детской площадке.* (И10)

Такого рода инициативы представляются действенным инструментом утверждения права на город — не только культурного потребления и потребления развлечений, но и производства новых типов социальных связей и отношений. Как следствие у молодого поколения формируется потребность в инновационном развитии городского пространства и соучастии в управлении территорией, возникает чувство ответственности за нее перед собой и последующими поколениями.

Заключение

Результаты исследования позволили прийти к следующим выводам. Молодое поколение рассматривает право на город прежде всего сквозь призму утилитарного практического запроса на условия в городском пространстве для реализации актуальных потребностей: стабильная работа, высокий заработок, разнообразный досуг, развитая транспортная инфраструктура. Привлекательность города определяется его возможностями предложить комфортную повседневную жизнедеятельность молодым горожанам, эмоционально привязывающимся к городу и испытывающим чувство гордости за него.

Молодежь, руководствуясь личными интересами и жизненными стратегиями, готова стать субъектом преобразования пространства «вокруг себя». Тем не менее, как свидетельствует наше исследование, не исключены противоречия между стремлением молодых людей инициировать и реализовать локальные инициативные практики и ориентациями властных структур города на макроразвитие территории в целом. Границы участия молодежи в производстве пространства города оказываются размытыми: молодые люди сужают их, а институциональные субъекты — расширяют. Молодое поколение стремится к утверждению собственных ценностей, используя практику малых дел, и тем самым реализует право на присвоение и развитие городского пространства.

Нам видятся перспективными следующие направления дальнейшего исследования включенности молодежи в производство городского пространства: анализ социального неравенства и эксклюзии некоторых социальных групп из практик такого участия (молодых инвалидов, беспризорников, нищих и пр.); изучение механизмов мобилизации молодежи и форм коллективного поведения в контексте реализации права на город; исследование противоречий и конфликтов между представителями молодежных субкультур в повседневном присвоении города и его сегрегации.

Список литературы (References)

Антонова Н. Л., Ракевич Е. В. Горожане как субъект формирования имиджа города // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 2. С. 160—166. http://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-2-160-166.
Antonova N. L., Rakevich E. V. (2016) Citizens as the Subject of City Image Forming. *Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*. No. 2. P. 160—166. http://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-2-160-166. (In Russ.)

Вершинина И. А. Анри Лефевр: от «права на город» к «урбанистической революции» // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 2. С. 48—60. https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-2-48-60.
Vershinina I. A. (2018) Anri Lefevr: "From The Right to the City" to the "Urbanist Revolution". *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. Vol. 24. No. 2. P. 48—60. https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-2-48-60. (In Russ.)

Глебова И. С. Оценка комфортности и привлекательности жизнедеятельности в городе (на примере г. Казани) // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10020 (дата обращения: 21.05.2020).
Glebova I. S. (2013) Evaluation of Comfort and Attractiveness of Life in the City (On the Example of Kazan City). *Modern Problems of Science and Education*. No. 5. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10020 (accessed: 21.05.2020). (In Russ.)

Желнина А. А. Креативность в городе: реинтерпретация публичного пространства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 2. С. 45—59.
Zhelnina A. A. (2015) Creativity in the City: Reinterpreting the Public Space. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. XVIII. No. 2. P. 45—59. (In Russ.)

Журавлев О. М. Инерция постсоветской деполитизации и политизация 2011—2012 годов // Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011—2013 годов / под ред. С. В. Ерпылевой, А. В. Магуна. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 27—70.
Zhuravlev O. M. (2015) Inertia of Post-Soviet Depoliticization and Politicization of 2011—2012. In: Erpyleva S. V., Magun A. V. (eds.) *The Politics of the Apolitical: Civic Movements in Russia, 2011—2013*. Moscow: New Literary Observer. P. 27—70. (In Russ.)

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 164—186. https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614.
Zubok Yu. A., Chuprov V. I. (2019) Self-Regulation of Life Purpose Values in Youth Cultural Space. *Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 10. No. 4. P. 164—186. https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614. (In Russ.)

Калинникова М. В., Головина А. А. Социологические основы рефлексии благоприятной городской среды в общественном мнении молодежи // Известия

Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2018. Т. 18. № 4. С. 391—393. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-391-393.
Kalinnikova M. V., Golovina A. A. (2018) Sociological Foundations for the Reflexy on Favorable Urban Environment in Youth Public Opinion. *Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. Vol. 18. No. 4. P. 391—393. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-391-393. (In Russ.)

Лычко С. К., Мосиенко Н. Л. Общественный транспорт в практиках мобильности: повседневные маршруты горожан // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 256—273. http://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.14.
Lychko S. K., Mosienko N. L. (2016) Public Transport in Mobility Practices: Daily Routes of Citizens. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 256—273. http://doi.org/10.14515/monitoring.2016.5.14. (In Russ.)

Терентьев Е. А. Топонимический активизм и «право на город»: социологические заметки // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 1. С. 194—202. http://doi.org/10.17223/1998863X/29/21.
Terentev E. A. (2015) Toponymic Practices and the 'Right to the City': Sociological Notes. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 1. P. 194—202. http://doi.org/10.17223/1998863X/29/21. (In Russ.)

Фролова Е. В. Взаимодействие населения и местной власти: проблемы и новые возможности // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 59—64.
Frolova E. V. (2016) Interaction of the Population and Local Government: Problems and New Opportunities. *Sociological Studies*. No. 4. P. 59—64. (In Russ.)

Фурсов А. А. Правовые основы привлечения граждан к процессам благоустройства (на примере городских округов) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 2. С. 67—84.
Fursov A. A. (2019) Legal Foundations for Citizen Involvement in Development Processes (in the Context of Urban Districts). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*. No. 2. P. 67—84. (In Russ.)

Шпаковская Л. Л., Чернова Ж. В. Город, дружественный семье: новое публичное пространство для детей и их родителей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 160—177. http://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.10.
Shpakovskaya L. L., Chernova Zh. V. (2017) Family-Friendly City: New Public Space for Children and Their Parents. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 160—177. http://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.10. (In Russ.)

Шутова А. С. Реализация партисипационной концепции в городской среде средствами графического дизайна // Совершенствование гуманитарных технологий в образовательном пространстве вуза: факторы, проблемы, перспективы. Екатеринбург : УрФУ, 2015. С. 230—236.
Shutova A. S. (2015) Implementation of Participatory Concept in Urban Environment by Means of Graphic Design. In: *Improving Humanitarian Technologies in the Educational*

Space of a University: Factors, Problems, Prospects. Yekaterinburg: Ural Federal University. P. 230—236. (In Russ.)

Attoh K. A. (2019) Rights in Transit: Public Transportation and the Right to the City in California's East Bay. Athens: University of Georgia Press. http://doi.org/10.2307/j.ctt22nmc4p.

Busà A. (2009) The Right to the City: The Entitled and the Excluded. *The Urban Reinventors*. No. 3. P. 1—13.

de Souza M. L. (2010) Which Right to Which City? In Defence of Political-Strategic Clarity. *Interface: A Journal for and About Social Movements*. Vol. 2. No. 1. P. 315—333.

Fenster T. (2005) The Right to the Gendered City: Different Formations of Belonging in Everyday Life. *Journal of Gender Studies*. Vol. 14. No. 3. P. 217—231. http://doi.org/10.1080/09589230500264109.

Fernandes E. (2007) Constructing the 'Right to the City' in Brazil. *Social & Legal Studies*. Vol. 16. No. 2. P. 201—219. http://doi.org/10.1177/0964663907076529.

Gladarev B. (2016) Attempts to Overcome 'Public Aphasia': An Analysis of Public Discussions in Russia at the Beginning of the Twenty-First Century. In: Vakhtin N., Firsov B. (eds.) *Public Debate in Russia: Matters of (Dis)order*. Edinburgh: Edinburgh University Press. P. 167—205.

Harvey D. (2008) The Right to the City. *New Left Review*. No. 53. P. 23—40.

Lefebvre H. (1996) Writings on Cities. Cambridge, MA: Blackwell Publishers.

Marcuse P. (2009) From Critical Urban Theory to the Right to the City. *City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action*. Vol. 13. No. 2—3. P. 185—197. https://doi.org/10.1080/13604810902982177.

McCann E. J. (2002) Space, Citizenship, and the Right to the City: A Brief Overview. *GeoJournal*. Vol. 58. No. 2—3. P. 77—79. https://doi.org/10.1023/B: GEJO.0000010826.75561.c0.

Middleton J. (2016) The Socialities of Everyday Urban Walking and the 'Right to the City'. *Urban Studies*. Vol. 55. No. 2. P. 296—315. https://doi.org/10.1177/0042098016649325.

Mitchell D., Villanueva J. (2010) The Right to the City. In: Hutchison R. (ed.) *Encyclopedia of Urban Studies*. Thousand Oaks, CA: Sage. P. 667—671.

Plyushteva A. (2009) The Right to the City and Struggles over Urban Citizenship: Exploring the Links. *Amsterdam Social Science*. Vol. 1. No. 3. P. 81—97.

Purcell M. (2002) Excavating Lefebvre: The Right to the City and its Urban Politics of the Inhabitant. *GeoJournal*. Vol. 58. No. 2—3. P. 99—108. https://doi.org/10.1023/B:GEJO.0000010829.62237.8f.

Soja E. W. (2010) Seeking Spatial Justice. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press.

Приложение. Список информантов[1]

Эксперты

Код информанта	Пол	Возраст	Должность	Стаж работы в молодежной сфере
Э1	Женщина	35	Руководитель школы проектов для молодежи Уральского федерального университета	10
Э2	Женщина	54	Руководитель государственного автономного учреждения по работе с молодежью	30
Э3	Мужчина	31	Куратор молодежных проектов в Уральском федеральном университете	8
Э4	Женщина	25	Педагог-организатор городского школьного медиацентра	3
Э5	Женщина	42	Руководитель общественной организации молодежи	11

Молодые информанты

Код информанта	Пол	Возраст	Категория молодежи	Намерение мобильности
И1	Мужчина	22	Работающий	«Оседлый»
И2	Мужчина	30	Работающий	«Мобильный»
И3	Женщина	26	Работающая	«Оседлая»
И4	Женщина	21	Студентка	«Мобильная»
И5	Женщина	29	Работающая	«Оседлая»
И6	Мужчина	22	Студент	«Оседлый»
И7	Женщина	19	Студентка	«Мобильная»
И8	Мужчина	20	Студент	«Мобильный»
И9	Женщина	25	Работающая	«Оседлая»
И10	Женщина	20	Студентка	«Оседлая»
И11	Мужчина	20	Студент	«Оседлый»
И12	Женщина	22	Студентка	«Мобильная»

[1] Представлены только те информанты, интервью с которыми были упомянуты в статье.